

ПРАВОСЛАВИЕ И КОРЕЙЦЫ

Сборник статей
Православие и корейцы

Издательство "Валентин"

2013

УДК 215
ББК 86.372

Сборник статей

Православие и корейцы / Сборник статей — Издательство
"Валентин", 2013

ISBN 978-5-906288-20-2

Тема православия среди корейцев – предмет описания и исследований многих авторов, среди которых и православные миссионеры, и государственные чиновники, и ученые, журналисты и общественные деятели. Книга содержит в себе основные публикации по теме право славной религии в жизни корейцев, начиная с XIX века и заканчивая современностью. Книга представляет интерес для широкого круга русскоязычных корейцев, а также ученых, журналистов, студентов в области истории, религиоведения, культурологи, корееведения и т. д. Книга подготовлена издательской группой Общероссийского объединения корейцев при поддержке Отдела внешних церковных связей Московского патриархата РПЦ, Заиконоспасского ставропигиального мужского монастыря, издательства Свято-Владимирского братства, Общероссийского объединения корейцев, Ассоциации корейских организаций Приморского края

УДК 215
ББК 86.372

ISBN 978-5-906288-20-2

© Сборник статей, 2013
© Издательство "Валентин", 2013

Содержание

Вступительное слово митрополита Приморского и Владивостокского Вениамина	5
Василий Цо[1]	7
Слово авторов-составителей	9
Глава 1	13
Архимандрит Феодосий (Перевалов)[2]	13
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Православие и корейцы

Авторы-составители: Валентин Пак, Герман Ким, Валентин Чен

Вступительное слово митрополита Приморского и Владивостокского Вениамина

Вглядываясь в глубину веков, мы видим, что вся история России это движение не только на Запад, но и на Восток – Восток Небесный и Восток земной, к берегам Тихого Океана. Только в Православной вере Россия обретает истинный смысл своего существования и ее движения на Восток.

Духовная миссия России, данная ей Богом, – нести Свет Христов иным народам.

Как писал священномученик Иоанн Восторгов в статье «Россия и Восток»: «Стойте здесь на грани России пред лицом врага, стойте на этой твердыне Владивостока. Стойте пред лицом Востока с его загадочной судьбой. Но стойте со Христом и с крестом, и тогда Восток, приняв Христа, встретится с нами, как с братьями, а не как со смертельными врагами и хищниками. И не в крови и брани, а в единении веры и любви будет тогда разрешение вопроса об отношениях России и Востока».

Продвигаясь на Восток, город Владивосток стал конечным, сакральным центром на берегах Тихого океана, чтобы владеть Востоком во Христе, неся Свет Христов с крестом и Евангелием всем народам Востока.

Одним из первых народов Востока, кто увидел воссиявший Свет Христов на берегу Тихого океана, оказались корейцы. Через 4 года после основания Владивостока, они начали переселяться на Богоспасаемую Приморскую землю.

В октябре 2017 г. исполнится 153 года со дня добровольного переселения корейцев в Россию.

Первые официальные упоминания о первых поселениях корейцев в Приморье относятся к 21 сентября ст. ст. 1864 г. в докладе поручика Резанова – начальника пограничного поста Приморья, адресованном военному губернатору. Именно эта дата официально признана в истории России, как день добровольного переселения корейцев в Россию.

С открытой душой и чистым сердцем первые переселенцы стали принимать Православную веру. Сначала для принявших Православие корейцев строились фанзовые часовни. С 1882 года в корейских селениях стали учреждать самостоятельные миссионерские станы, первый из которых открылся в Янчихэ. К 1890-м годам в Приморье действовали уже восемь миссионерских корейских станом.

В 1900 г. при непосредственном участии Императора Николая II разрешился важный вопрос о подданстве корейцев, переселившихся в Россию. Было решено принять в русское подданство всех корейцев, отнеся их к сословию государственных крестьян, наделить их землей по 50 десятин на семью и принять меры к скорейшей адаптации их для проживания в Приморье.

Святейший Синод указом от 27 октября 1908 года присоединил к Владивостокской епархии учрежденную в 1897 году Русскую Духовную Миссию в Корее.

К 1910 г. определились основные координаты географии расселения подданных корейцев в Приморской области. Городское корейское население общим числом в 10 477 человек проживало в основном во Владивостоке – 5 834 человека, значительно меньше в Хабаровске – 638, в Никольск-Уссурийском – 2 284, в Николаевске – 1541 человек. Численность сельских

корейцев в Никольск- Уссурийском, Иманском, Ольгинском, Хабаровском и Удском уездах составила 40 477 человек.

Во Владивостоке в 1913 году был созван первый Епархиальный миссионерский съезд, принявший решение открыть во Владивостоке при церкви-школе одногодичное катехизаторское училище для корейцев. Для нужд миссии организовали переводческий комитет, были переведены на корейский язык и изданы Служебник, Требник и другие богослужебные книги.

Революционные потрясения 1917 года, казалось, совсем уничтожили ростки Православия среди корейцев в Приморье.

Но настало время возрождения Православия и видимым знаком этого возрождения в корейском народе стало строительство первого православного храма в Пхеньяне. При активном участии Московской Патриархии и Владивостокской епархии в столице КНДР Пхеньяне был построен православный храм во имя Живоначальной Троицы. В августе 2006 года Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, будущий наш патриарх, в сослужении с архиереями и клириками совершил чин великого освящения храма.

По решению Священного Синода Русской Православной Церкви на Владивостокскую епархию возложено попечение о становлении Православной Церкви в Северной Корее. Православные северокорейские священники Феодор Ким, Иоанн Ра и регент Николай Ким проходили богослужебную практику в Свято-Никольском кафедральном соборе во Владивостоке. Для организации праздничных богослужений и торжеств в православном храме Пхеньяна в помощь корейским клирикам выезжают клирики епархии и хор кафедрального собора Владивостока.

Что касается Приморской корейской диаспоры, то у нас и сейчас есть и успешно развиваются с ними добрые отношения. Мне вспоминается пример личного неравнодушия духовной жизненной позиции Валентина Пака, известного мецената, общественного деятеля, а ныне издателя и одного из авторов сборника «Православие и корейцы» – его помощь сестрам женского монастыря при храме Иконы Казанской Божией Матери в пос. Раздольном. В 2007 году накануне зимы им грозило выселение из здания. Валентин Пак оплатил все счета, выкупил здание и передал его в дар Приморской Епархии. Отвечая на вопросы журналистов перед торжественной церемонией дарения, в которой я принимал участие, будучи архиепископом, Валентин Петрович сказал, что его никто не просил оказать помощь обители, решение он принял самостоятельно, когда узнал о возникшей проблеме из сообщений средств массовой информации. Благотворительные труды мецената особенно известны многим жителям Приморского края. Примечательно, что Валентин Петрович природный кореец и коренной приморец, в детстве он был крещен в православие.

Данная книга «Православие и корейцы» рассказывает о зарождение и развитие православия среди русскоязычных корейцев. В принятии Православия корейские переселенцы видели нравственную, воспитательную и культурную скрепу своей жизни в России и эта вера помогла им выстоять и укорениться на Приморской земле.

Убежден, что выход в свет сборника работ «Православие и корейцы» еще больше укрепит духовную связь русского и корейского народа.

Желаю издательству «Валентин» и в дальнейшем радовать своих читателей хорошей, добротной просветительско-исторической литературой.

*С наилучшими благопожеланиями,
митрополит Владивостокский и Приморский, Вениамин.
17 марта 2017 г. Богоспасаемый град Владивосток*

Василий Цо¹ Душой рожденные порывы

Когда-то наши предки, поселившиеся на российском Дальнем Востоке, стали прибавлять к своим коротким и непривычным для слуха трехсложным фамилиям русские имена. Так мой дед стал Павлом. Произошло это в приходской церкви села, где его крестил православный священник. У деда уже не было сомнений как назвать моего отца – только Иваном. Только крестить его он не успел – наступила долгая эпоха всеобщего атеизма.

Так и жили мы десятилетия с нашими простыми русскими именами: Борис Дмитриевич, Анатолий Андреевич, Людмила Валентиновна, Михаил Николаевич, Олег Григорьевич, Нелли Николаевна, Юрий Павлович, Игорь Владимирович, Юрий Михайлович – постепенно привыкнув к новой среде обитания, к ее законам, традициям, нравственным и духовным нормам. И только облик и фамилия напоминают нам о далеких корнях.

Всю жизнь, а это больше, чем полвека, прожив в России и Узбекистане, везде: в школе, институте, на работе – был окружен многими русскими друзьями, знакомыми, сослуживцами, соседями и просто незнакомыми людьми. Великий и могучий русский язык стал единственным и родным для меня языком. Этот язык открыл мне великое таинство русской души, подарил радость общения, трепетное чувство от сознания принадлежности к великой стране Пушкина и Достоевского, Толстого и Ахматовой, Тургенева и Цветаевой, к ее истории и поразивших мир именам в подвигах, науке, культуре, спорте от Александра Невского, Михаила Ломоносова до Юрия Гагарина, Галины Улановой, Александра Солженицына.

Случился в Москве сольный концерт Аниты Цой. Молодая женщина с классическими корейскими чертами лица в течение двух с половиной часов разговаривала со зрителями языком песни. В зале были в основном русские слушатели. Они приняли Аниту, и, как мне показалось, признались ей в любви, завороженные ее восточным обаянием, покоренные ее абсолютно русским характером и не менее прекрасным русским языком. Говорят, на исторической родине ее понимали меньше. Парадокс, да и только. А совсем недавно корейский парень Виктор Ан в один миг влюбил в себя всю Россию, завоевав на Олимпиаде в Сочи 3 золотых и 1 бронзовую медали. Предыдущих три золотых награды в шорт-треке он завоевал в 2006 году на зимней олимпиаде в Турине в составе сборной Южной Кореи. Меня новый русский Виктор Ан поразил, когда в интервью Первому каналу на всю страну на чистом русском языке спел гимн России. И это всего через два года после того, как после долгих и трудных сомнений принял российское гражданство! Мне кажется, вместе с русским языком он мгновенно впитал в себя и часть загадочной русской души, которая в дни тяжелых испытаний возрождается, преодолевает себя и начинает верить в победу.

Рожденным в России, принятым ею и живущим во благо ее Кимам, Цоям, Пакам, Ли, Намам, Огаям, Тенам, Анам пришлось пройти долгий 150-летний путь по земле, чтобы стать естественной составляющей необъятного и неповторимого духовного пространства, о котором точнее, чем русский поэт Федор Тютчев трудно выразиться:

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить».*

¹ Председатель Общероссийского объединения корейцев, член совета при Президенте России по национальным отношениям.

Некоторые мои единокровные выбирают православие. Это глубоко личный выбор каждого человека. И мне думается, что православная вера больше, чем вера, религия. Это культурная и духовная среда обитания, которую нужно сначала принять, полюбить, чтобы потом слиться и навсегда стать ее неотъемлемой частью.

Слово авторов-составителей

Тема православия среди корейцев зрела давно, практически с того самого момента как первые переселенцы из королевства Чосон, переправившись через реку Туманган, оказались на русской земле.

Интерес к теме объяснялся рядом понятных причин. Во-первых, Дальний Восток привлек внимание русской православной церкви в связи с созданием новых епархий в «контактных зонах» между русской и иноэтничными культурами, в том числе и корейской. Во-вторых, корейцы в отличие от других азиатов, охотно принимали православие и российское гражданство, показывая тем самым свое стремление осесть в русском Приморье. В-третьих, Россия пыталась противостоять планам европейских держав и Японии, нацеленных на колонизацию Кореи, поэтому российские чиновники, военные, путешественники и купцы, миссионеры и краеведы оказались пионерами в изучении Корейского полуострова, особенно его северной части.

Первые работы о «закрытом королевстве», «стране-отшельнице», «государстве Чао-сянь» и т. п. с описанием ее природы, населения, хозяйства, культуры, обычаев и верований появились на русском языке раньше, чем на других западных языках.

Труды, посвященные переселению корейцев на русский Дальний Восток, были изданы уже в последней четверти XIX века. Чтобы не перечислять даже основные труды по этой теме, коих немало, порекомендуем читателям книгу «Коре сарам. Библиография и историография» и историко-библиографический очерк «О развитии традиционного корееведения в царской России».

Глубокий след в изучении истории русской духовной миссии в Корее, а также распространения православия среди корейских переселенцев в Приморье, Приамурье и Уссурийском крае оставили после себя архимандрит Феодосий (Перевалов), епископ Вениамин, епископ Хрисанф (Щетковский), иеромонах Павел (Ивановский) и другие. Остались в истории имена первых православных миссионеров, начавших проповедовать среди корейцев, таких как иеромонах Валериан, иеромонах Николай, иеромонах Феодосий, протоирей Иннокентий Верещагин, священники Иоанн Гомзяков, Иосиф Никольский, Илья Пляскин, Александр Новокшенов и Василий Пьянков, однако, к величайшему сожалению нам мало что известно об их жизни и миссионерстве.

К началу нового 20-го столетия в крупных корейских деревнях Приморской и Амурской областей стали строиться православные церкви. Лишь в селе Благоденном Амурской области, известной своей особой судьбой, церковь была заложена почти одновременно с обустройством корейских переселенцев из Приморья. В 1913 году на территории Дальнего Востока действовали 10 миссионерских станций с корейским населением, из которых Корсаковский и Тизинхинский возглавляли православные священники-корейцы Роман Ким и Федор Пак. Церковный приход в Корейской слободке (Синхачхон) во Владивостоке был закреплён за катехизатором Покровской церкви Василием Огаем. Кроме указанных лиц, большим авторитетом в Приморском крае пользовались священники-корейцы Василий Пак, Мефодий Хван, Василий Лян и др.

Октябрьская революция и последовавшее коммунистическое безбожие положили конец как традиционным верованиям корейцев, таким как шаманизм, буддизм, конфуцианство, так и отдалили их от всех религий. Корейцы верно соблюдали лишь ритуальную оболочку в конфуцианской похоронной и поминальной обрядности.

Интерес к религии, ее изучению пробудился вновь в период горбачевской «перестройки, гласности и демократизации», и в начале 1990-х годов появляются первые исследования по истории православия среди корейцев. Одна из первых работ – диссертация М. В. Белова «Рус-

ская православная церковь и корейцы, 1865–1917», которой предшествовал опус на английском языке на степень магистра в корейском университете Енсе.

По этой же теме были защищены и опубликованы дипломные работы на корейском языке: Нам Чжонг У «Историческое исследование Православной церкви на примере миссионерской деятельности среди корейцев 1860–1925 гг.» и Ли Бенг Чжо «Корейская миссия православной церкви на российском Дальнем Востоке. 1863 – 1916 гг.»

С конца 1990-х гг. тема, связанная с историей русской православной церкви в Корее стала, как отмечает с. О. Курбанов, в известной степени модной. Из печати вышло значительное число публикаций, в том числе книга «История Российской Духовной Миссии в Корее» (М., 1999), посвященная 100-летию православной миссии в Корее и вобравшая в себя ряд трудов дореволюционных русских и современных российских авторов, представляющих православное духовенство и академический мир.

К 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию первоначально планировалось переиздание этой книги. Однако в самом начале работы над ней произошли важные события, главным из которых стало поручение Правительства Российской Федерации Министерству регионального развития о проведении юбилейных мероприятий. Вот тогда было принято решение отказаться от переиздания и подготовить новый сборник статей под названием «Православие и корейцы», который нам – авторам-составителям удалось в срок подготовить к изданию благодаря активному соучастию всех заинтересованных лиц.

10 лет назад, когда вышло Распоряжение Правительства Российской Федерации «О мероприятиях, посвященных 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию у Общероссийского объединения корейцев (ООК) была идея провести совместно с Русской Православной Церковью конференцию о распространении православия среди корейцев.

По ряду причин тогда не удалось осуществить задуманное. Наверное, не пришло время.

За десять лет картина изменилась, не побоимся этого определения, кардинально. Напомним хронологию развития событий в XXI веке.

С сентября 2000 г. окормлением русской паствы в Сеуле занимался священнослужитель Русской Православной Церкви иеромонах Феофан (Ким), специально командированный в Южную Корею по просьбе владыки Сотирия. Во многом благодаря искреннему участию и стараниям отца Феофана русская православная община Сеула сегодня является поистине дружной православной семьей. Совместные трапезы после литургии, паломнические поездки и вечера встреч помогают объединить русскоговорящих православных прихожан. По благословению Вселенского патриарха Варфоломея специально для нужд русскоговорящих верующих в 1996 г. был освящен храм преподобного Максима Грека.

Иконы, свечи и ладан произвели сильное впечатление на северокорейского лидера Ким Чен Ира во время его легендарного путешествия по России на бронепоезде летом 2002 года и посещения Кафедрального Преображенского собора в Хабаровске. Он распорядился, чтобы подобный храм был построен и в Пхеньяне. И вот необычный храм, украшенный двумя золотыми куполами в форме луковиц, был торжественно освещен в столице коммунистической народной республики.

Почти сразу после возвращения Ким Чен Ира на Родину был образован Православный Комитет. Четверо молодых студентов из КНДР были зачислены на обучение в Московскую Духовную семинарию, где они в рекордно короткие сроки овладели русским и даже церковно-славянским языками.

11 августа 2006 года глава делегации Русской Православной Церкви председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Кирилл вылетел из Москвы для участия в освящении храма Живоначальной Троицы в Пхеньяне. В воскресный день 13 августа перед западным входом в храм Живоначальной Троицы, расположенный в районе Чонбек на живописном берегу реки Тэдон в южной части Пхеньяна прошла

торжественная церемония, связанная с завершением строительства храма, в которой приняли участие митрополит Кирилл с иерархами и клириками Русской Православной Церкви, а также представителями власти Северной Кореи.

Обращаясь к участникам церемонии, митрополит Кирилл, в частности, сказал: «Мы участвуем в историческом событии. Более ста лет назад русские православные люди прибыли в Корею, и здесь началась жизнь Православной Церкви. С того времени два народа стали лучше понимать друг друга. Однако после Второй мировой войны по политическим причинам Русская Православная Церковь была вынуждена покинуть юг Кореи. Сегодня мы освятим храм Живоначальной Троицы в Пхеньяне. Это корейский православный храм, построенный по инициативе руководителя страны Ким Чен Ира при активном участии Православного комитета КНДР. Этот храм воздвигнут замечательными корейскими мастерами. Русская Православная Церковь с любовью и радостью содействовала этому строительству. Мы особенно рады тому, что в этом храме будут служить корейские священнослужители. Он будет открыт для корейских верующих, а также для всех православных, которые живут в этом городе. В настоящее время расширяется всестороннее взаимодействие между нашими странами, и все больше россиян приезжают сюда. Мы глубоко убеждены, что Троицкий храм будет выдающимся символом российско-корейской дружбы и поможет многим открыть для себя красоту Православия».

5 октября 2011 года, будучи клириком Абаканской епархии, игумен Феофан (Ким) был избран епископом Кызыльским и Тывинским. 25 октября того же года был возведен в сан архимандрита архиепископом Абаканским Ионафаном в Абаканском Спасо-Преображенском кафедральном соборе.

В 2007 году выпускник Санкт-Петербургской духовной академии кандидат богословия Николай Ким был возведен в достоинство протоиерея. По учреждении Общецерковной аспирантуры и докторантуры Русской Православной Церкви стал ее докторантом. Решением Священного Синода от 5 марта 2010 года был направлен в распоряжение Председателя ОВЦС, где состоял сотрудником секретариата Отдела внешних церковных связей по межправославным отношениям. 4 октября 2012 года был переведен в клир Будапештской епархии и назначен настоятелем новообразованного прихода в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник» в городе Хевизе.

В 2007 году был рукоположен в диаконы, в 2010 г. посвящен в священнический сан клирик Заиконоспасского ставропигиального мужского монастыря отец Александр (Сон).

22 августа 2012 г. богослужение в день памяти святого апостола Матфея в храме святителя Иннокентия Иркутского возглавил митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий. Владыке сослужили клирики Хабаровской епархии, а также гости города – священники православного храма в честь Святой Троицы г. Пхеньяна Феодор Ким Хве Ир и Иоанн Ра Гван Чер, сообщил сайт информационного отдела Хабаровской епархии.

Как видим, всего за десять с небольшим лет незаметно, но последовательно происходили кардинальные изменения в структуре духовного корейского пространства. И во многом они связаны с взаимоотношениями России и стран Корейского полуострова с одной стороны, и углублением процесса интеграции русскоязычных корейцев в России – с другой. В 2014 году главным событием для российских корейцев станет реализация поручения Правительства Российской Федерации Министерству регионального развития о проведении мероприятий, посвященных 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. В плане мероприятий одними из приоритетных являются проведение по первосвятительскому благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла в рамках юбилейных мероприятий международной научно-практической конференции «Православие и корейцы. К 150-летию проживания корейцев в России», 26–27 мая 2014 г. в Москве и симпозиума «Корейцы на Дальнем Востоке. Православие, история, культура», 4 сентября 2014 г. во Владивостоке. Факт проведения на государственном уровне юбилейных мероприятий трудно пере-

оценить. Достаточно сказать, что это редкий прецедент для России, где проживают более 180 народов. Одно из предположений авторов книги подтверждается публичным высказыванием Министра регионального развития Игоря Слюняева о 150-летию: «... юбилейные мероприятия могут стать положительной практикой и задать стандарт для проведения в дальнейшем аналогичных мероприятий праздничных дат другими народами России». Возможно, для государственного чиновника высокого ранга такой вывод стал следствием личного знания корейцев, являющих собой образец абсолютной интеграции народа в иное жизненное пространство, с иными традициями, культурой, языком, укладом жизни, менталитетом и религией. Последнее у выходцев из Корейского полуострова изначально, начиная с первых переселенцев, ассоциируется и с православной верой, и с духовным миром, ставшим за 150 лет частью их сознания.

Научно-практическое содержание конференции и симпозиума включает три части: Миссия среди корейских переселенцев русского Дальнего Востока (Южно-Уссурийского края и Амурской области) и Забайкалья (1864–1917 гг.); Российская Духовная миссия в Сеуле (1898–1949 гг.) и Современный аспект: Православие как путь интеграции в духовнокультурное пространство России.

Берущие истоки еще в XIX веке, в современный период истории духовные традиции России и Кореи возобновились. РПЦ искренне заинтересована в воссоединении корейского народа и воссоздании единого корейского государства, в подлинной независимости и процветании Кореи. В этом важном межгосударственном процессе заметное место принадлежит новым поколениям русскоязычных корейцев. Будучи носителями двух мировых культур, русской и корейской ментальности, они обладают уникальной возможностью стать связующим звеном во взаимоотношениях государств и народов.

Глава 1

История русской православной миссии в Корее

Архимандрит Феодосий (Перевалов)² Российская Духовная Миссия в Корее (1900 – 1925 гг.)³

*...Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет»
(Мк. XVI, 15–16)*

Приступая к составлению настоящего очерка, мы имеем в виду две главные цели: с одной стороны, нам хотелось бы отметить такое важное событие в жизни Российской Духовной Миссии в Корее как двадцатипятилетний ее юбилей, а с другой – показать насколько удалось нашим немногочисленным миссионерам исполнить свою задачу в такой языческой стране, как Корея, за вышеозначенный период времени. Т. е. показать, могли ли они исполнить большее, чем исполнили при тех скудных силах и средствах, какие имели и имеют в настоящее время.

Предлагая вниманию читателей настоящий очерк, мы считаем необходимым заметить, что все месяцы и числа, встречающиеся в книге, а также дни праздников и постов обозначены по старому стилю; причем заранее просим милостивого снисхождения к нашему слабому труду, в котором без сомнения найдутся ошибки, погрешности и т. п. Вместе с сим считаем своим неперемнным долгом принести глубокую признательность бывшему управляющему Российским Генеральным Консульством в Сеуле М. Ф. Гефтлеру, любезно снабдившему нас при составлении этой книги необходимыми данными, почерпнутыми из консульского архива и других соответствующих ему источников.

Автор

Основание Миссии

Российская Православная Духовная Миссия в Корее – одна из самых молодых миссий в Православной Русской Церкви по времени своего существования. Она призвана к своему бытию в 1897 г., но фактически начала просветительскую работу только с 1900 г., т. е. ровно 25 лет тому назад.

Основание Миссии вызвано было развитием русского влияния в Корее⁴, бывшего довольно сильным в 90-х годах прошлого столетия, когда в Сеуле и других, более густо населенных пунктах полуострова, находились значительные русские колонии с многочисленным русским людом.

² Заведующий, впоследствии начальник Российской Духовной Миссии в Корее (1917–1930 гг.).

³ Печатается по изданию 1926 г., Харбин.

⁴ Корея – страна, представляющая собой гористый полуостров: находится на восточной оконечности Азии; омывается Японским морем с востока, Желтым – с юго-запада и Корейским проливом – с юга; населена корейцами. Как государство, находилась почти все время в той или другой зависимости от соседних народов, пока, наконец, не была присоединена к Японии в 1910 г. как провинция. В настоящее время жителей в Корее насчитается 18 068 116, по статистическим данным за 1924 г. Из этого количества корейцев 17 619 540, японцев 411 595 и иностранцев (преимущественно китайцев) 36 981 человек. Корейцы занимаются земледелием, торговлей и отчасти рыболовством; по религии они почти все язычники; большинство грамотные; в административном отношении управляются японскими властями во главе с губернатором.

Впервые мысль об открытии Миссии подал один из чиновников нашей Дипломатической Миссии в Корее Н. А. Шуйский и вслед за ним, несколько времени спустя, З. М. Поляновский. Первый в одном из своих докладов писал еще в 1889 г. следующее (приводим полностью, как документ, имеющий историческое значение):

«Географическое положение Кореи, а равно и политическое состояние ее, придают важное значение этой стране для русских государственных интересов, и таковое значение ее еще будет возрастать вместе с, несомненно, предстоящим усилением двух соседних нам азиатских держав: Китая и Японии. Это должно побуждать нас озаботиться изысканием мер к приобретению там культурного влияния как составляющего фундамента, на котором строится влияние политическое. Культурное влияние слагается главным образом их трех элементов: 1) из влияния торгово-промышленного, путем водворения в стране иностранных предпринимателей и купцов с их капиталами и товарами; 2) из влияния интеллектуального, путем снабжения страны избытком иностранных интеллигентных сил в виде специалистов по разным отраслям знания и, наконец; 3) в некоторых случаях, как например в данном, из религиозного воздействия, путем деятельности миссионеров. Достигнуть желанной цели двумя первыми путями для нас было бы задачей весьма затруднительной, почти невозможной, в виду превосходства над нами в этом отношении западноевропейских держав, располагающих большими средствами, чем те, на какие мы можем опереться. Остается, следовательно, только поприще православной миссионерской деятельности, посредством которой могло бы образоваться со временем тяготение туземного населения к России, тяготение не только в сфере религиозной, но и культурной вообще, так как православие, служа знаменем нашей народности, тесно связано со всеми другими сторонами нашей государственной и общественной жизни.

Помимо этого главного основания для устройства в Корее Православной Миссии, имеются еще другие побудительные причины к тому⁵, из коих одна, особенно заслуживающая внимания, заключается в приобретении этим путем средства противодействовать иноверной пропаганде в Корее – католической и протестантской. Первая из них возникла еще во второй половине прошлого столетия⁶, и хотя успехи ее и были задерживаемы строго охранявшейся недоступностью страны для иностранцев, а также преследованиями туземцев христиан, доходившими иногда до массового истребления, но в настоящее время положение дел совершенно изменилось. Изолированности страны положен конец, а против преследований католическая пропаганда получила теперь надежную опору во Франции, которая, заключив недавно договор с Кореей, приняла на себя обязанности содействовать распространению католичества и в этой стране. Положим, что в корейско-французском трактате, так же как и в трактатах, заключенных прочими державами с Кореей, не упоминается о праве иностранцев проповедовать свою религию в стране, но, как выяснила практика, это ограничение сводится только к не разрешению проводить богослужения в специальных, особо для того отведенных, помещениях вне европейских поселений и, следовательно, легко может быть обойдено устройством церквей в виде принадлежности частных домов. Таким образом, католичеству предоставляется полный простор наверстать то, чего не было достигнуто им за прежнее время.

Принимая во внимание, с одной стороны, крайнюю неустойчивость политического положения страны, а с другой – исконное стремление католических вероисповедников к приобретению политического влияния, легко допустимо предположение, что наличное число корейских политических партий впоследствии увеличится еще за счет новой, которая, несомненно, будет враждебна нам уже по одному тому, что она католическая. Как всякая политическая партия, она, конечно, будет стремиться к захвату власти и, руководимая такими опытными

⁵ Мысль о распространении православия в Корее подана была еще ранее, известным китаеведом графом Е. В. Путятиным в 1858 г. (Крат. История Русской Православной Миссии в Китае. Пекин, 1916. с. 181).

⁶ В 1784 г.

мастерами интриги, каковыми являются иезуиты, может даже добиться видного положения, что, несомненно, будет сопровождаться такими осложнениями международного характера, в которых мы вовсе не заинтересованы.

Что касается протестантской пропаганды, то представители ее, члены разных американских обществ, появились в Корее с 1884 г. И пока еще не приступили серьезно к осуществлению цели своего прибытия, будучи отвлекаемы от нее представлявшимися им возможностями извлекать из страны, под разными предложениями, денежные средства в свою пользу. Но такое положение не может сохраниться слишком долго, и протестантские миссионеры обратятся, наконец, к своим прямым обязанностям, исполняя которые они вряд ли будут иметь в виду выгоды России. Наконец, еще одним основанием для появления в стране наших миссионеров служит то обстоятельство, что по самому роду своей деятельности, стоя близко к населению и имея вследствие того больше средств для изучения страны, чем люди другой профессии, они могли бы снабжать правительство необходимыми с точки зрения наших государственных интересов сведениями, без которых делается иногда затруднительным правильная постановка вопросов чисто политических.

Обращаясь к рассмотрению местных условий, при которых пришлось бы трудиться нашей Духовной Миссии в Корее, а именно к нынешнему положению страны в религиозном отношении, нельзя не назвать условия эти весьма благоприятными для успеха православной проповеди там. Духовные потребности населения удовлетворяются в Корее тремя религиями: конфуцианством, буддизмом и шаманством, из которых первая, едва ли, впрочем, может быть названа религией, потому что представляет собою только кодекс нравственных правил, отчасти поднимающихся даже до высоты христианской морали, отчасти же проповедующих узкий обиходный эгоизм и ничего не говорящих живому религиозному чувству; последнее даже и не имеется в виду конфуцианством, так как оно тщательно обходит вопросы, вводящие человека в мир сверхчувственный. Тем не менее, как представляющая собой цельное определенное мировоззрение, предрасполагающее своих последователей к рационализму, система конфуцианства могла бы оказать, хотя бы пассивное сопротивление мировоззрению иного характера, если бы находилась в тех же условиях, как в Китае, где благодаря обилию школ, она распространена довольно равномерно в массе населения. В Корее же ее значение много слабее, так как конфуцианские идеи знакомы лишь обособленному от остального населения высшему сословию, составляя для него официальную религию – нравственный кодекс, в среду же народа почти не проникает, за отсутствием путей для того.

Большую силу сопротивления обладает буддизм с его универсальным характером, грандиозностью мирозерцания, тонкой диалектикой и, наконец, боевой организацией, напоминающей отчасти католическую. С такой силой не легко было бы не считаться, если бы буддизм в Корее был в полном расцвете своих сил, но на самом деле этого не только нет, но можно утверждать, что ни в одной из стран, исповедующих теперь эту веру, последняя не находится в состоянии такого глубокого упадка, как именно в Корее. Появившись в ней еще в IV веке по Р.Х. буддизм пулто (по местному произношению) успел не только сделаться господствующей религией, но благодаря умственному богатству, принесенному им с собой, приобрел видное политическое значение, усилившись до такой степени, что буддийские монахи занимали высокие административные должности и даже командовали армиями. Но, увлекшись политической ролью, добившись власти, буддийское духовенство стало уже пренебрегать теми средствами, какие обеспечили им успех, перестало учиться и учить, отвернулось от народа, и вместо того чтобы облегчить ему бремя жизни, само легло на его плечи бременем. Покинутая своими духовными вождями народная масса обратилась к своей прежней забытой вере: шаманство, казалось, искорененное усердием буддийских миссионеров, снова оживило и сделалось для значительной части населения тем, чем раньше была религия Будды. Потеряв опору в народе и спустившись в умственном и нравственном отношении даже ниже общего уровня, буддизм

мог продолжать играть свою роль только при поддержке случайно сложившихся благоприятных для него обстоятельств, и потому, когда последние изменились в связи с заменой династии, покровительствовавшей буддизму, в 1392 г. – буддийское духовенство потеряло всякий престиж и сделалось в глазах населения предметом презрения, символом невежества, тунеядства и распущенности. Попытка Дя-инь-куна (Тэ-вон-гуна), отца нынешнего короля, в бытность его регентом воскресить былое значение буддизма в стране, чтобы воспользоваться им для противодействия начавшемуся распространяться христианству, а также и для того, чтобы найти в нем опору для продления своей ускользавшей у него из рук власти, окончилась неудачей не потому только, что была кратковременна, но главным образом потому, что буддизм в Корее уже был осужден историей на гибель. Только в южной части полуострова он сохранил еще искру жизни, но и ей, без сомнения, суждено было потухнуть.

Последнее обстоятельство указывает на то основание, которого было бы желательно держаться при устройстве там нашей Духовной Миссии. Так как она тем успешнее будет действовать, чем меньше встретит сопротивления, что важно в особенности в начале, то и наиболее благоприятным поприщем для нее была бы северная Корея, где буддизм никогда не был силен, шаманство же его заменяющее и там, как и везде, не обладает силой для сколько-нибудь серьезного сопротивления. Первыми миссионерскими станциями всего удобнее было бы выбрать одну в районе наших торговых сухопутных сношений с Кореей, а другую – в самой столице, чтобы таким образом наши правительственные агенты в Корее могли оказывать большее содействие делу, конечно, в пределах, предписываемых благоразумием.

При дальнейшем развитии православной проповеди существенную поддержку для нее могло бы послужить образование с этой целью миссионерской школы во Владивостоке, в котором готовились бы к миссионерскому служению молодые корейцы из числа переселившихся в Россию. Воспитанные в России и русской обстановке, они могли бы сделаться прекрасными помощниками миссионеров чисто русского происхождения и значительно содействовали бы упрочению симпатий к России своих соплеменников, находившихся под корейской властью. Кроме того, эта школа могла бы удовлетворить ощутимую потребность (которая с развитием нашего общения с Кореей, еще будет увеличиваться) в добросовестных и знающих переводчиках при работе наших властей с корейцами как в пределах Кореи, так и в самой России, где корейских переселенцев имеется уже значительное количество. Осуществление всех этих мероприятий не сопровождалось бы сколько-нибудь значительным отягощением государственного бюджета, если обратить на это дело часть сумм, доселе отпускаемых на содержание нашей Духовной Миссии в Пекине. Миссия эта, некогда исполнявшая двойные обязанности и дипломатические и религиозные, была в то время необходимой и даже заслуживала несравненно большей поддержки, чем та, которая ей оказывалась. Но в настоящее время, с учреждением в Пекине нашего дипломатического представительства, за ней остаются только обязанности религиозного характера, и в этом отношении ее организация несоразмерна с целями ее существования. Если имеется в виду не пропаганда, а только поддержание с помощью означенной Миссии православия в среде уже принявших его туземцев, что, насколько я могу судить, действительно так, то для этого средства ее слишком велики, потому что так называемые албазинцы образуют лишь незначительный приход, для удовлетворения нужд которого было бы вполне достаточно одного или двух иеромонахов. И, казалось бы, нет достаточных оснований иметь таковых лиц в количестве четырех и еще архимандрита. Таким образом, оставшиеся за сокращением штата Духовной Миссии в Пекине свободные суммы могли бы быть обращены на устройство более важной для нас в государственном отношении Духовной Миссии в Корее, а если к этим суммам потребуются впоследствии дополнительные из государственного казначейства, то в размере незначительном»⁷.

⁷ Архив Российского Ген. Консульства в Корее.

Второй чиновник Дипломатической Миссии в Корее (З. М. Поляновский) направляет своему начальству письмо, касающееся вышеизложенных вопросов (от 3 января 1897 г.). В нем говорится:

«По долгу службы и по обязанности православного христианина беру смелость представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства⁸ нижеследующие соображения:

В настоящее время православное население г. Сеула состоит, кроме членов Миссии, из: 1) четырех офицеров и 14 нижних чинов, занимающихся обучением охранной гвардии Его Величества Короля Кореи – 18 человек; 2) военного агента, его помощника и 3 нижних чинов, состоящих при нем – 5 человек; 3) 2 офицеров десанта, состоящих при Миссии и приблизительно 90 человек нижних чинов – 92 человека; 4) учителя русской школы и 5) около 30 человек русских подданных православных корейцев, служащих по найму переводчиками в разных сеульских министерствах. В общей сумме все православное население г. Сеула доходит, таким образом, в настоящее время до полутора (150) человек. Ввиду отсутствия в г. Сеуле православной церкви и священника православное население терпит неисчислимые лишения, не имея возможности удовлетворять свои духовно-религиозные потребности. Для примера укажу на возможность умереть без покаяния, угрожающую каждому из православных жителей Сеула и составляющую для христианина одно из самых ужасных несчастий.

Позволяю себе обратить особое внимание Вашего Превосходительства на последнюю группу перечисленного мною русского населения Сеула, т. е. на православных корейцев. Имея с ними, по исправляемой мною должности вице-консула, постоянные сношения, я пришел к убеждению, что религиозные потребности у них в настоящее время существуют в довольно сильной степени, но что вместе с тем есть большая опасность, что если потребностям этим не будет дано надлежащее удовлетворение, то они, пожалуй, начнут гложуть. И при здешних не благоприятных условиях может случиться, что через год-другой прежнего христианина не легко будет отличить от корейца-язычника. В первом меня убеждает та искренняя радость, с которой здешние православные корейцы отозвались на мое предложение собираться у меня в дни больших праздников для совместной молитвы, а равно тот факт, что большинство из них окончило миссионерские школы в Южно-Уссурийском крае, а во втором – то, что православные эти, по их собственному признанию, употребляющие (особенно из молодых) все свободное время на духовное пение, приехали сюда, не имея с собой ни одной богослужебной книги, ни одного экземпляра Евангелия, ни одного образа.

В виду всего вышеизложенного, казалось бы, является делом первостепенной важности немедленная присылка в Сеул православного священника и принадлежностей временной церкви, в приискании для которой временного помещения вряд ли встретило бы затруднение. Что же касается постоянного православного храма, то я убеждаюсь, что если бы было признано возможным образовать общество для сбора пожертвований для сооружения храма в Сеуле, то прилив таковых из России в непродолжительном времени позволил бы приступить к святому делу построения православного храма»⁹.

Два приведенных доклада оказали свое действие на высшие сферы Петербурга и дошли до сведения Св. Синода.

Синод, идя навстречу добрым пожеланиям верных чад своих, с Высочайшего¹⁰ соизволения Государя Николая II благословил открыть в 1897 г. Православную Духовную Миссию в Сеуле, на общих для наших заграничных Миссий основаниях¹¹.

⁸ Г. Российского Поверенного в Делах в Корее.

⁹ Архив Российского Генерального Консульства в Корее.

¹⁰ Государя Императора Николая II.

¹¹ Указ Св. Синода от 2–4 июля 1897 г. за № 2195.

Цель Миссии – обслуживание духовных потребностей русских православных людей, проживающих в Корее, и по возможности насаждение св. Веры среди местного туземного языческого населения.

Для вновь учрежденной Миссии в том же 1897 г. был Высочайше утвержден штат служащих в составе трех человек: архимандрита, иеродиакона и псаломщика, с положенным от казны содержанием в 6 870 руб. в год. Из этой суммы причитается архимандриту – 3000, иеродиакону – 2000, псаломщику – 1500 и на наем сторожа и прислуги 370 руб. в год. Впоследствии, когда дело Миссии стало расширяться, к означенной сумме была доассигнована новая, дополнительная, специально для школ, учителей и катехизаторов в размере 3 300 руб. в год.

Таким образом, общий бюджет Миссии стал выражаться в сумме 10 170 руб. в год. Кредит отпускался Хозяйственным Управлением при Св. Синоде непосредственно по полугодиям, в виде перевода на один из местных банков. В таком виде Миссия получала деньги до 1917 г. включительно, т. е. до начала революции в России или, вернее сказать, до захвата государственной власти коммунистами.

Единовременно с утверждением штата выдана была сумма на устройство и обзаведение зданий, а также собрана некая сумма от доброхотных дателей; в общем, та и другая составили 33 152 руб. 20 коп. Само собой разумеется, что при таких скромных ресурсах нельзя было рассчитывать на сооружение приличного постоянного храма, на что пошло бы, по крайней мере, 30–40 тыс. руб. Поэтому мысль о постройке церкви с первого же раза была отложена на неопределенное время и выстроено было лишь то, чего требовала в данном случае самая насущная необходимость.

В административном отношении Миссия подчинена была сначала петербургскому Митрополиту (с 1897 по 1908 г.), а затем Владивостокскому Архиепископу (с 1908 по 1923 г.)¹² и, наконец, с 1923 г. поступила под руководство Японского Архипастыря¹³, в ведении которого и находится в настоящее время¹⁴.

Первый состав Миссии во главе с Архимандритом Амвросием

В первый состав Миссии вошли Архимандрит Амвросий¹⁵, иеродиакон Николай (Алексеев)¹⁶ и псаломщик А. В. Красин¹⁷. Означенные лица, получив назначение и заручившись всем необходимым для богослужения на чужбине, в начале 1898 г. отбыли к месту нового служения.

Ехали они с большими надеждами на «доброе будущее», пылая жаром ревности к просвещению язычников. Но, к несчастью, как раз к этому времени обстоятельства сложились так,

¹² Указ Св. Синода от 27 окт. 1908 г. за № 13.564; указ Временного Высшего Церковного Управления в Омске от 19 июня – 2 июля 1919 г. за № 1303.

¹³ Указ Российского Священного Синода в Москве от 4-17 ноября 1921 г. за № 1571; указ Временного Архиерейского Синода Российской Православной церкви за границей (Сремски Карловицы) от 3-16 дек. 1922 г. за № 69.

¹⁴ Архипастыри, в ведении которых находилась Миссия, следующие: 1) Петербургские – Митрополит Палладий (Раев) т1898 г., Митрополит Антоний (Вадковский) Ъ1912 г.; 2) Владивостокские – Архиепископ Евсевий (Никольский) до 1920 г., (ѳв сане Митрополита Крутицкого 18 января 1922 г.), Епископ Михаил (Богданов) до 1923 г. (ѳ9 июля 1925 г.); 3) Японские – Архиепископ Сергей (Тихомиров), с 1923 г.

¹⁵ О. Амвросий – в миру Василий Иванович Гудко, родился в посаде Пышовцах Люблинской губ., от родителей униатов в 1867 г., в 1875 г. он вместе с родителями присоединился к Православной Церкви; учился в Холмской Духовной Семинарии и Петербургской Духовной Академии, первую окончил со званием студента, вторую со степенью кандидата богословия в 1893 г., в 1892 г., будучи студентом Академии, принял монашество и затем посвящен в сан иеродиакона и иеромонаха; с 1893 по 1897 г. занимал должность заведующего миссионерским катехизаторским училищем в Бийске на Алтае; в 1897 г. получил назначение в Корею с возведением в сан Архимандрита.

¹⁶ О. Николай – сын штабс-капитана Двинского полка; родился в 1869 г., учился в первых четырех классах классической гимназии в Петербурге; поступил в число послушников в один из монастырей Петербургской епархии; в 1897 г. командирован в Корею с пострижением в монашество и посвящением в сан иеродиакона.

¹⁷ Биографических данных А. В. Красина не имеется.

что миссионеры, не успев достигнуть границ «земли обетованной», принуждены были в конце дороги остановиться и здесь сидеть у моря и ждать погоды в буквальном смысле этого слова.

Дело обстояло так: русский престиж, поднимавшийся до сего времени в Корее с неимоверною быстротою, вдруг стал с такою же поспешностью опускаться вниз, и вместо влияния русского в стране стало расти влияние японское¹⁸. Вследствие такой политической пертурбации, столь неожиданно происшедшей, когда власти корейские настроены были уже не в пользу русских, нашим путникам сразу был прегражден дальнейший путь.

В ожидании благих результатов от начавшейся переписки по данному случаю между Петербургом и Сеулом миссионеры временно приютились во Владивостоке, а потом, чтобы не тратить времени напрасно, перекочевали в Новокиевск¹⁹, где и занялись изучением корейского языка среди местных старожилов корейцев (уссурийских), владеющих своею корейской и русской грамотой²⁰.

Проживая в Новокиевске, отец Амвросий иногда служил в одной из полковых церквей поселка²¹ и здесь, пользуясь свободой слова, произносил громоподобные проповеди (на что он был большой мастер) с жаром ревности древнего пророка. В проповедях своих он обычно не щадил никого и ничего, бичевал всех, кто попадался ему на зубок, не исключая даже сильных мира сего. Особенно доставалось офицерам и чинам военного ведомства за их якобы беспечную и разгульную жизнь, позорящую, по его словам доброе русское имя среди инородцев окраины.

Военные со своей стороны не оставались в долгу. Они тут же стали строчить донос за доносом на «строптивного» архимандрита и отправлять, кому следует. В результате этой неравной борьбы, к общей радости доносчиков, «грозный ратоборец», не увидав «жребия» своего нового служения, отозван был обратно в Петербург, где и получил новое назначение. Этим, собственно, и закончилась его миссия в Корее²².

С отъездом о. Амвросия вскоре также отбыл псаломщик А. В. Красин, променявший миссионерскую службу на службу банковского «дельца», и из трехчисленного состава миссии остался только иеродиакон Николай. Последний решил, во что бы то ни стало, ожидать благих результатов и, нужно сказать, в ожиданиях своих не ошибся. Действительно ему скоро пришло разрешение от Корейского Правительства на беспрепятственный въезд в Корею. Можно себе представить с какой радостью он принял это известие, после двухлетнего томления в невзрачном пустынном Новокиевске, где кроме солдат и лагерей военных, никого и ничего не было.

Рассказывают, что когда о. Николай получил это разрешение, то он на радостях купил себе ослика, чтобы отправиться на нем сухим путем в Сеул. «Злые языки», подсмеиваясь, говорили:»Наш отец Николай хочет совершить торжественный въезд в Чосонскую столицу наподобие библейского Пророка встречаемого множеством народа и восклицаниями: «айгу, айгу,

¹⁸ Корея в то время была независимым государством, но крайне бедным слабым, искавшим поддержки со стороны других держав.

¹⁹ Военный поселок Приморской Области, до 5000 жит.; находится в шести часах морского и в двух часах сухопутного пути на юг от Владивостока, вблизи корейской границы.

²⁰ Корейцы, так называемые «уссурийские» (общее название корейцев, проживающих в Приморской области), – выходцы из соседней Кореи 60-х годов XIX столетия; русско-подданные, в большинстве православного вероисповедания, населяют прибрежные долины р. Усури и преимущественно морское побережье Посъетского района, граничащего с Кореей. Последний, заключает в себе 2 волости; Админскую и Янчихэнскую и 7 православных приходов: Барабашский, Седиминский, Админский (Славянка), Тизинхэнский, Краббэнский (Посъет), Янчихэнский (Новокиевск) и Зареченский. Жителей всего в районе насчитывается в настоящее время вместе с русскими, проживающими в Новокиевске и Славянке, до 10–12 тыс. человек того и другого пола.

²¹ В Новокиевске при двух полках и нескольких батареях, квартировавших в то время, находились две полковые церкви с принтами из военного ведомства.

²² В последствии о. Амвросий, будучи в сане Епископа, находился на покое в Свяжском Успенском монастыре, Казанской епархии, где, по слухам, принял мученическую кончину от разбушевавшейся, разнузданной революционной толпы, подуськанной злонамеренными людьми в 1917–1918 гг.

араса, сарамие!»²³ Действительно история с осликом не лишена была своего рода комизма. Прежде чем оставить Новокиевск, о. Николай решил сделать прощальные визиты своим знакомым корейцам в соседнем селении Янчихэ, находящемся от Новокиевска в 2–3 верстах. Для большей эффектности он воссел на «осляти» и в сопровождении уличных мальчиков, глазевших на «коня» и «всадника», начал торжественное шествие. Нужно было переехать речку, отделявшую поселок от селения. В сухое время года речка представляет собой не что иное, как ничтожный ручеек, через который можно перепрыгнуть, а в дождливое время она разливается на 20–30 сажен и делается довольно глубокой, хотя местами все же можно переехать ее вброд, если только конь мощный, и может противостоять быстроте течения реки. Как раз в это время был полный разлив речки, бушевавшей, бур лившей и с шумом несшейся в море. О. Николай, несмотря на все угрозы расвирепевшей стихии, самым мирным образом погрузился в пенящиеся воды на своем импровизированном коне, надеясь, что доброе животное вывезет его благополучно на противоположный берег. Ослик шел сначала ничего, ровно, спокойно, без всяких капризов. Но вдруг, дойдя до середины, остановился как вкопанный. Всадник, считая, что животное испугалось, стал его гладить, ласкать, упрямивать: «миленький, хорошенький!» и т. д., но осел не двигался. Тогда на голову упрямыца посыпались пинки, щелчки и нелестные эпитеты, но тот продолжал стоять на своем. Между тем прошло 10–15 минут обоюдного испытания характеров «словесного» и «бессловесного», но ни тот, ни другой не сдавались друг другу. Собралась, между прочим, досужая публика, охочая до всяких зрелищ, посмотреть на это даровое представление. Посыпались шутки, прибаутки и всякого рода остроты в адрес «коня» и «всадника», но осел не обратил на это внимания. Седоку ничего не оставалось делать, как сойти с упрямого «коня» и погрузиться по пояс в холодный поток. Лишь только он это сделал, как осел при неистовом хохоте собравшейся толпы двинулся самым спокойным образом в дальнейший путь. Седок, проклиная осла, по пояс в воде шествовал за ним. Однако упрямыство не прошло даром ослу. Разгневанный хозяин не замедлил сбывать его в другие руки и направился в Корею морским путем на пароходе.

Эпизод этот сам по себе, конечно, ни о чем не говорит, но он характеризует легкость нрава о. Николая, отличавшегося своими «детскими» причудами, часто вредившими ему по службе.

Распроставшись с Новокиевском и забрав весь свой скарб и церковное имущество, привезенное из Петербурга, о. Николай в половине 1899 г. благополучно достиг Сеула²⁴. В Сеуле в то время не было ни места, ни пристанища, где бы мог он остановиться, поэтому, в ожидании будущего начальника Миссии, ему пришлось временно приютиться при нашей Дипломатической Миссии в доме г-на Поверенного в Делах.

Итак, о. Николай первый из русских православных миссионеров вступил на корейскую землю, первый познакомился с бытом, нравами и обычаями страны и народа, первый, если можно так выразиться, положил молитвенное начало основанию будущей Миссии.

²³ В переводе на русский язык: «ого-ого» или «ай, ай, русский человек!»

²⁴ Сеул – главный город Кореи, стоит на реке Ханган, в провинции, так называемой Кеннгидо; до 1910 г. – резиденция Корейского императора, после – Японского Генерал-Губернатора; жителей по статистическим данным за 1924 г. насчитывал 297 465, из них: корейцев 215 960, японцев 77 587, иностранцев (преимущественно китайцев) 3 918 чел. обоего пола; находится в центре узла железнодорожных линий, прорезывающих полуостров по всем направлениям и связан с южно-маньчжурской линией; в городе имеется трамвай, проходящий по всем главным улицам, телеграф, телефон, электрическое освещение, водопровод и др. современные культурные усовершенствования; есть музеи, парки, зоологический и ботанический сады. Из иностранных учреждений в Сеуле имеются четыре генеральных Консульства: Американское, Английское, Китайское, Советское (бывшее Российское), одно вице-Консульство – Французское и до девяти духовных Миссий.

Второй состав Миссии во главе с архимандритом Хрисанфом (Щетковским)

Вместо о. Амвросия на вакантную должность начальника Миссии назначен был архимандрит Хрисанф²⁵ и при нем псаломщиком, друг его и однокашник Иона Левченко²⁶. Посланные без всякой задержки со «стороны корейских властей благополучно достигли Сеула. Прибыли они в первых числах января 1990 г. Помещений для их проживания не было, поэтому им пришлось разместиться, кто как мог, как умел, на частных квартирах.

С прибытием миссионеров, им предстояла неотложная работа по устройству церкви, конечно временной, где они могли бы совершать богослужения, тем более что русские, проживающие в то время в Корее, в течение нескольких лет находились без пищи духовной, следовательно, изголодались по таковой, настойчиво требовали ее. Этот голод нужно было скорее удовлетворить, т. е. насытить всех: кто алкал – накормить, кто жаждал – напоить. Действительно, с этой стороны они достигли того, что и храм появился, и богослужение началось в самом непродолжительном времени.

Устройство церкви при дипломатической миссии в Сеуле

Церковь в разобранном виде (походная) была доставлена о. Николаем, иконостас же для нее и иконы пришли морским путем, через Одессу. Теперь и то и другое требовалось собрать, привести в должный порядок, расставить в удобном для богослужения помещении, но помещения, к сожалению, не оказалось. Миссионеры были в большом затруднении. На выручку к ним пришел наш Поверенный в Делах А. И. Павлов²⁷. Последний, узнав, в чем дело, с любезностью доброго русского барина прежних времен предложил им одну из лучших комнат своей квартиры (гостиную, вмещавшую до 60 человек молящихся) для этой святой цели. Миссионеры с радостью приняли предложение милого хозяина и тут же, не откладывая дела в долгий

²⁵ О. Хрисанф – сын диакона Донской епархии; родился в 1869 г., учился в местной Духовной Семинарии, курс которой окончил в 1890 г., в том же году посвящен в священники; в 1894 г., лишившись жены, поступил в число студентов Казанской Духовной Академии; в 1898 г. принял монашество; в 1899 г. окончил курс наук в названной Академии со степенью кандидата богословия; в том же 1899 г. получил назначение в Корею с возведением в сан Архимандрита.

²⁶ Псаломщик Иона Левченко – сын мещанина г. Александровск-Грушевка, области Войска Донского; родился в 1868 г., учился в местной Духовной Семинарии, курс которой окончил со званием студента в 1890 г.; прошел миссионерские курсы при казанской Духовной Академии по монгольскому отделу в 1891 – 1892 гг.; с 1892 по 1899 г. занимал должность учителя и псаломщика в одной из церквей родной Епархии; в 1899 г. назначен на ту же должность псаломщика в Православную Духовную Миссию в Корее.

²⁷ Русские дипломатические агенты в Корее со времени учреждения русского представительства в стране, т. е. с 1886 по 1902 г., именовались Поверенными в Делах; с 1902 по 1904 г. – Посланниками (один Посланник) и после перерыва дипломатических отношений с Японией во время русско-японской войны (1904-1905 гг.) – Генеральными Консулами. Первым по времени Поверенным в Делах был К. И. Вебер (1886–1897); вторым – А. П. Шпейер (служил всего несколько месяцев); третьим – Н. Г. Матюнин (1898–1899 гг.), четвертым – камергер двора Е.И.В. д. ст. советник А.И.Павлов (сначала, в 1899–1902 гг. подобно своим предшественникам, Поверенный в Делах, затем, в 1902–1904 гг., – Посланник и Полномочный Министр при Корейском Дворе); пятым – Генеральный Консул, камергер Двора Е.И.В. д. ст. советник Г. А. Плансон (1906–1908 гг.); шестым – д. ст. советник А. С. Сомов (1908–1911 гг.); седьмым – д. ст. советник Я. Я. Лютш (1911–1921 гг.); восьмым – в качестве управляющего Генеральным Консульством – М. Ф. Гефтлер (1921 – 1925 гг.). Таким образом, русское дипломатическое представительство в Корее насчитывало в 1925 г. 39 лет своего существования. В ведении Российского Генерального Консульства находились вице-Консульства в Сейсине, (Чонжин), Фузане, Гензане и Чемульпо. Последнее функционировало только до 1911 г.: закрыто за неимением в названном городе русских интересов. Вице-Консульства в других местах функционировали: в Сейсине с 1911 по 1923 г., Фузане с 1903 по 1923 г., Гензане с 1906 по 1922 г. Вице-Консулами были: А. С. Троицкий в Сейсине (все время существования Консульства), в Фузане – Ф. И. Васильев с 1906 по 1912 г. и В. А. Скородумов с 1912 по 1923 г. в Гензане – Н. Н. Бирюков с 1906 по 1915 г. и Х. Я. Зеллис с 1915 по 1922 г. Все вышеозначенные Вице-Консулы во главе с Генеральным Консулом подчинялись Российскому Посольству в Токио. В 1925 г. национальное русское дипломатическое представительство закончило свое существование в Корее и перешло в руки интернационального советования СССР.

ящик, приступили к установке иконостаса и др. необходимых для богослужения частей храма. Через одну – две недели церковь была уже оборудована и приготовлена к освящению.

Освящение состоялось в один из ближайших воскресных дней после окончания работы, а именно: 17 февраля 1900 г. в день памяти св. Мученика Феодора Тирона. Чин освящения совершал о. Хрисанф с причтом, в торжественной в данном случае обстановке, при пении матросов с канонерской лодки «Отважный», прибывших специально из Чемульпо на это исключительное для Кореи торжество. На освящении, кроме русской колонии во главе с г-ном Павловым, присутствовали чины Корейского двора, представители Дипломатического Корпуса, печати и другие лица. Вновь освященная церковь посвящена памяти св. Чудотворца Николая (6 декабря), небесного патрона государя Императора Николая II.

Нужно отметить, что покойный государь очень сочувственно относился к делу основания Миссии в Корею, поэтому вполне естественно освящение церкви во имя св. Николая.

На следующий день после освящения местные газеты оповестили жителей страны о состоявшемся русском торжестве и первом православном богослужении в Сеуле, причем поместили прочувствованные статьи по адресу русской церкви вообще и ее древнего православия в частности.

Итак, актом освящения церкви было положено начало основания Миссии и миссионерской деятельности в стране. Отсюда самый день 17 февраля 1900 г. стал для Миссии днем историческим, днем святым, днем благословения Божия на все труды в будущем.

Архимандрит Хрисанф как проповедник

Первой проповедью архимандрита Хрисанфа стало выступление со словом Божиим перед русско-подданными корейцами, проживающими временно в Сеуле, в числе 30 человек. Корейцы эти состояли переводчиками у русских офицеров и др. чинов, находившихся на службе у корейского Правительства. С утратой русского влияния в стране, когда военные инструкторы и пр. служилые люди отозваны были обратно в Россию, переводчики их остались не у дел, почти без всяких средств к существованию. Среди этих-то заброшенных судьбою корейцев, лишенных насущного куса хлеба, и начал вести свою проповедь вновь прибывший миссионер.

Переводчики еще раньше, как только узнали о приезде о. Хрисанфа, сочли нужным явиться к нему, поздравить его с благополучным прибытием. О. Хрисанф со свойственным ему радушием принял их, областал и из расспросов узнал, что все они православные, где-то когда-то крестились, но, живя за границей среди язычников, забыли все, чему их учили перед крещением, не помнили даже имен своих христианских, не говоря уже о вопросах веры.

О. Хрисанф стал, не теряя времени, обучать вере и нравственности этих людей, ведя с ними беседы на духовнорелигиозные темы; причем оделил всех крестиками, иконками, грамотным роздал по Евангелию и молитвеннику, снабдил брошюрами религиозно-нравственного содержания и т. д. В результате добился того, что все они на одной из ближайших недель Великого поста благоговейно поговели, чистосердечно покаялись и сподобились причаститься Св. Христовых Таин, причем дали зарок исправиться и начать жить по Христовым заповедям.

После пищи духовной нужно было позаботиться ему также о пище телесной этих брошенных на произвол судьбы людей, не имевших ни заработка, ни пропитания. Заботясь о том, чтобы избавить их от вопиющей нужды, он предложил некоторым из них быть у него переводчиками и учителями в школе, которая должна была вскоре открыться.

Укрепив ближайшую свою паству пищею духовною и телесною, о. Хрисанф перенес поле деятельности в среду язычников.

Язычники еще раньше, с самого приезда русского «Тэсинбу»²⁸, заинтересовались его личностью и всячески старались познакомиться с ним поближе. Они стали осаждать его квартиру и расспрашивать: кто он, что намерен делать, каковы его вера и учение и т. д. О. Хрисанф удовлетворял насколько возможно интерес каждого, причем сам со своей стороны старался лучше узнавать внутреннюю сторону их жизни, особенно жизни духовной. Когда посетителей собиралось более или менее значительное количество, тогда он от обычных общежитейских разговоров переходил к собеседованию по вопросам веры и жизни христианской. Беседы часто затягивались за полночь, что было делом далеко не легким для одного человека, тем более что собеседники являлись, чуть ли не каждый день, причем просиживали у батюшки целыми часами. Чтобы облегчить свой труд, он решил разделить его между всеми членами причта так, чтобы каждый имел свой день, свою очередь: но и в этом случае о. Хрисанфу как старшему среди своих сослуживцев приходилось заниматься с посетителями больше, чем другим членам Миссии.

Сначала на собеседования приходили только мужчины, потом выразили желание бывать на таковых и женщины. Но здесь пришлось встретиться с вековыми предрассудками страны, препятствовавшими женщинам появляться в обществе мужчин, как равно и мужчинам в обществе женщин. Женщина по корейским понятиям есть низшее, недостойное мужского содружества существо: она не может ни сидеть вместе, ни идти, ни вступать в разговоры с мужчиной, особенно посторонним. Все это было бы с ее стороны верхом неприличия. Ее роль в доме, роль скромной хозяйки-труженицы, занятой с утра до вечера домашним очагом, хотя временами корейская женщина так же, как и всякая другая, может высказывать свое собственное мнение, даже прикрикнуть на мужа, если он ведет себя недостойно по отношению к своей семье. В виду такой обособленности полов пришлось устраивать отдельные собеседования: одни – для мужчин, другие – для женщин. Но и в этом случае женщины все же шли как-то неохотно к мужчине-проповеднику²⁹.

Впрочем, религиозный пыл корейцев скоро остыл, любознательность пропала, и сама аудитория проповедника опустела. Однако о. Хрисанф все же не терял надежды на приобретение прозелитов, старался привлечь их к себе и привести в лоно церкви Христовой; но, к сожалению, другие дела, не терпевшие отлагательства, воспрепятствовали ему в этом деле, и он волею-неволею принужден был оставить его до поры до времени.

Попытка перевода богослужебных книг с русского на корейский язык

Среди трудов благовестничества о. Хрисанф предпринял другие, не менее важные по переводу богослужения с русского на корейский. Он исполнял их при помощи тех же русско-подданных корейцев-переводчиков, поступивших к нему на службу.

О трудах этих он писал в одном из своих донесений в Св. Синод следующее: «При переводах своих руководился таким образом: славянский текст молитв переводил предварительно на русский язык, слова последнего тщательно объяснял сотрудникам и в отдельности и в связи с последующими. Когда текст молитв становился для них более или менее ясным, тогда буквально переводил его на туземный язык. Затем при помощи англо-русско-французских словарей проверяли каждое слово. Наконец, как русский, так и корейский текст молитвы читал тем из переводчиков, которые не участвовали в переводе данной молитвы. Выслушав последних, тут же делал исправления в тексте молитв, заменял некоторые слова понятными и употребительными выражениями. Таким способом перевел начальные молитвы, краткий молитвослов,

²⁸ «Великий синбу», т. е. великий отец, – название Архимандрита в отличие от простого священника «синбу» (отец).

²⁹ За последние 6–7 лет обособленность полов среди корейцев стала менее заметной, особенно в городах; теперь не редкость увидеть корейца, идущего с женой, даже с посторонней женщиной, по улицам города.

Символ Веры и 10 заповедей закона Божия³⁰. Скоро, однако, такой кропотливый труд был признан непригодным из-за обилия погрешностей в тексте. Тогда о. Хрисанф задумал прибегнуть к другому способу переводов, более облегченному.

Зная, что более или менее образованные корейцы понимают китайскую письменность (иероглифы)³¹, и могут помочь ему в переводах с китайского, он обратился к начальнику Пекинской Духовной Миссии Архимандриту Иннокентию (Фигуровскому)³² с просьбой выслать ему вероучительные и нравоучительные книги на китайском языке, с которых он мог бы сделать интересовавшие его переводы. О. Иннокентий охотно согласился исполнить просьбу почтенного Архимандрита и выслал ему по одному экземпляру всех имевшихся у него под рукой книг.

С получением книг дело перевода упростилось. Теперь оставалось только расшифровывать написанное. Приступили было к работе, но, к несчастью, это так же, как и первое не было исполнено. Причина была в том, что вскоре по получении книг о. Хрисанфом в Пекине вспыхнуло неожиданно в июне 1900 г. грандиозное по размерам и жестокости народное восстание, известное под названием боксерского, когда расвирепевшие мятежники предавали огню и мечу все чужое, иноземное и в том числе христианские миссии. Больше всех пострадали русская православная³³. О. Иннокентий, лишившись всего имущества и главным образом очень ценной миссийской библиотеки, принужден был затребовать книги из Сеула обратно в Пекин, с тем, чтобы снять с них копии. Вот что он написал по этому поводу в своем письме на имя о. Хрисанфа от 17 августа 1900 г.: «Наша осада окончилась, все мы остались живы. Миссию свою я перевел в кумирню Юн-ха-чунь. От прежней осталась одна груда мусора. Все вещи и книги сгорели. Я очень рад, что успел по Вашей просьбе по одному экземпляру всех наших переводов переслать Вам. Теперь думаю снять с них копии и некоторые книги издать вновь. Поэтому покорнейше прошу выслать их мне вновь, обещаю вскоре возвратить обратно»³⁴.

Итак, вышеозначенным событием неожиданно случившимся, уничтожившим многолетние труды пекинских миссионеров³⁵, о. Хрисанф снова был поставлен в положение человека, потерявшего свой плуг. В дальнейшем, при всем своем желании, он не в состоянии был про-

³⁰ Архив Духовной Миссии.

³¹ Иероглифы – письменные знаки (по-корейски – хан-мун), заменяющие собою азбучную или слоговую письменность у восточных народов как-то: китайцев, корейцев, японцев. Начертанием своим они выражают не звуки, как у нас буквы, а целые понятия или комбинацию понятий. Китайцы произносят эти понятия по-китайски, корейцы – по-корейски, японцы – по-японски, но смысл и значение их почти один и тот же. Поэтому неудивительно, что всякий грамотный кореец, не владеющий ни китайским, ни японским разговорными языками, но знающий иероглифы, легко может объяснить посредством них письменно с любым грамотным китайцем или японцем, и те его поймут. Отсюда ясно, что иероглифная система является своего рода ключом для трех вышеозначенных народностей и представляет собой самый лучший способ при сношениях.

³² Ныне Архиепископ Пекинский.

³³ Пекинская Духовная Миссия существует с 1713 г., т. е. больше двух столетий (212 лет).

³⁴ Выдержки из письма Архимандрита Иннокентия (Церковные ведомости. 1901, № 17. с. 604).

³⁵ Из числа русских миссионеров в Пекине, насколько известно, прославились своей ученостью по Китаеведению следующие лица: Архим. Иакинф (Бичуринц 1853 г.; иером. Авакум (Честной) в 1830–1841 гг.; Архим. Палладий (Кафаров), 1878 г.; архим. Гурий (Карпов), впоследствии Еписк. Таврический, 1882 г.; иером. Исаия (Поликин), 1871; Архим. Флавиан (Городецкий), впоследствии Митрополит Киевский, 1915 г.; иеромонах Николай (Адоратский), впоследствии Еп. Оренбургский, 1896 г.; иеромонах Алексей (Виноградов) в 1881–1898 гг. и др. Из этого общего перечня миссионеров-Китаеведов оставили после себя громкое имя Архимандриты Иакинф, Палладий и Гурий. К трудам первого принадлежат: 1) Статистическое описание Китайской Империи; 2) Описание монет Китая; 3) Записки о Монголии; 4) История первых четырех ханов из Чингизова дома; 5) Описание Пекина; 6) Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение; 7) Описание религии ученых китайцев; 8) Китайская грамматика и пр. К трудам второго миссионера-Китаеведа принадлежат следующие: 1) Жизнеописание Будды; 2) Исторические очерки буддизма; 3) Старинное монгольское сказание о Чингизхане; 4) Старинные следы христианства в Китае; 5) Китайско-русский словарь и пр. Труды третьего миссионера-Китаеведа являются переводные произведения с русского языка на китайский: 1) Новый завет, 2) Псалтирь, 3) Требник, 4) Служебник, 5) Пространный Катехизис, 6) Священная История Ветхого Завета и пр. (Краткая История Русской Православной Миссии. Пекин, 1916).

должать намеченную работу, так как к тому времени подоспели уже другие дела, не ждавшие отлагательства³⁶.

Открытие первой школы при Миссии

Хорошо организованная школа, как известно, является одним из лучших проводников религиозно-нравственного просвещения в народе, особенно школа церковная, миссионерская, обращающая усиленное внимание на дух воспитания юношества. О. Хрисанф, сознавая значение просвещения вообще и христианского в частности, не замедлил открыть школу для детей корейцев в первый же год своего пребывания в Сеуле, а именно 15 октября 1900 г.

Школа помещалась сначала в наемном доме, а потом, с постройкой миссионерских зданий, переехала в отведенное ей помещение. Содержание для школы осуществлялось в первые два года за счет личных средств о. Хрисанфа, затем были отпущены некоторые суммы, но в очень ограниченном количестве.

При школе был открыт пансион для двух-трех мальчиков-сирот, которые содержались за счет о. Хрисанфа; остальные ученики были проходящие, ничего не получавшие от Миссии, кроме учебников и письменных принадлежностей.

В программу обучения входили предметы элементарной грамотности, и в том числе корейский и русский языки. Изучение последнего проходило вяло, ибо русский язык утратил к тому времени свое значение в стране.

Количество учеников в первый учебный год было 12, во второй – 10, в третий и четвертый – по 8 человек. Причина уменьшения учащихся – недостаток средств, как о сем свидетельствовал сам о. Хрисанф в одном из своих донесений в Св. Синод, но нам известно, что она крылась не столько в недостатке средств, сколько в неподготовленности учительского персонала из числа корейцев, не сумевших поставить дело правильно и тем заинтересовать своих маленьких учеников. Во всяком случае, школа вскоре стала хиреть, и с началом русско-японской войны была закрыта до другого более благополучного времени.

Сооружение миссийских зданий в 1901–1902 гг.

Среди разнообразных форм миссионерской деятельности о. Хрисанфу пришлось предпринять другие более сложные труды, требовавшие особенного внимания, в частности труд по сооружению миссийских зданий, где можно было бы вести миссионерское дело.

Земельный участок для этой цели приобретен был еще раньше, в 1898 г. через посредство нашего Поверенного в Делах Н. Г. Матюнина, купившего у разных владельцев земли частями, прилегающими одна к другой. Большая часть земли принадлежала местной французской католической Миссии, меньшая – частным лицам. Земля как тех, так и других владельцев равнялась 1231 кв. цубо³⁷, за первую часть уплачено было 10654, за вторую – 821, а всего 11475 мексиканских долларов³⁸.

Покупка земли произведена у французских католиков под предлогом для надобностей русско-корейского банка, функционировавшего в то время в Сеуле, иначе последователи «непогрешимого Рима» не согласились бы продать свое достояние «схизматикам», особенно, если бы узнали, что она предназначается для Православной Миссии. Когда же католики об

³⁶ Впоследствии часть первоначальных переводов о. Хрисанфа исправлена была Архим. Павлом, часть сложена в миссийский архив за непригодностью к исправлению.

³⁷ 1 кв. цубо – 6 с половиной аршин. 1231 кв. цубо – около одной трети десятины.

³⁸ Цена более чем высокая по тому времени. Ныне по частной сделке с покупателями она не превзойдет 100 иен за цубо со всеми к ней пристройками.

этом узнали, они стали метать «гром» и «молнию» на покупателей и комиссионеров, устроивших сделку, но было уже поздно, дело сделано, купля совершилась. Главное лицо по продаже земли еп. Мютель, до ныне здравствующий, никак не может себе простить этой оплошности, он до сих пор со вздохом вспоминает про лета давно минувшие и бранит себя за доверчивость к русским. «Одни только русские, – говорит он, – могли меня так провести, и, кажется, никто более».

Первоначальная история означенного участка земли по- своему интересна. Дело обстояло так.

Корейский король³⁹ Ли-хи Сюган Тхэ-хан-дэ, в то время царствовавший, желая выразить особенное расположение к Русскому Царю, задумал преподнести ему в дар участок земли для будущей, еще проектировавшейся тогда Духовной Миссии в размере 600 кв. сажень, смежный с нашей Дипломатической Миссией, т. е. тот самый, на котором находится ныне Православная Миссия. Он был облюбован заранее русскими для этой цели, но последние почему-то медлили с его покупкой. Корейский король купил его, или, вернее, передал деньги на его покупку (12000 мекс. долларов), у местного французского епископа Мютеля и др. частных лиц (домовладельцев-корейцев). Передавая дар, царственный повелитель снабдил его соответствующей грамотой с приложением своей печати. Текст грамоты приводим в переводе с корейского на русский язык буквально, как он есть: «Я (Король) купил участок земли, принадлежащий корейцам и французам, специально для того, чтобы одолжить его в пользование господину Императорскому Российскому Поверенному в Делах в Сеуле г. Шпейер для постройки потребных Российскому Правительству в Сеуле зданий.

Границы их следующие: с востока от западной стены Русской Миссии (дипломатической) до западной стены патронного склада и восточной стороны Чонидонской улицы. С севера – от южной границы дома товарища министра Ким-хон-нюк и с северной стороны патронного склада до северной стороны улицы перед патронным складом.

Наше Правительство заменило бывшие купчие ведомости новыми. Кроме этого, Я приложил Императорскую печать в доказательство очевидности вящего скрепления дружественных уз между обоими государствами и поэтому издал сей указ.

Гуан-му. 2 год. 1 месяц»⁴⁰.

С получением дарственной, наш Поверенный в Делах в Корее А. Н. Шпейер телеграммой своей от 19 января 1898 г. на имя Министра Иностранных Дел гофмейстера Двора Его Величества гр. Муравьева, донес следующее:

«Узнав о том, что мы ищем участок земли для церкви в Сеуле, Король (Корейский) сегодня заявил мне, что он приносит в дар Государю Императору для этой цели смежный с Миссией (дипломатической) участок площадью более 600 кв. саж. Земля это стоит Императору, по моим сведениям, 12.000 долларов и очень удобна для постройки храма».

На это донесение Министр Иностранных Дел гр. Муравьев телеграммой своей от 28 января 1898 г. на имя г. Шпейера ответил: «Государь император поручает Вам передать

³⁹ Сын принца Регента (Правителя Кореи) Тэ-вон-гуна, известного своей жестокостью по отношению к христианам; родился в 1852 г.; вступил на королевский престол в 1864 г.; в 1872 г. объявив себя совершеннолетним правителем страны, прекратил гонения на христиан, признав христианство «терпимым»; в 1895 г. в соответствии с Симоносекским трактатом, объявил себя независимым королем Кореи; в том же 1895 г., спасаясь от преследований японцев, бежал в соседнюю с дворцом Русскую Дипломатическую Миссию, где прожил под охраной русского флага до 1897 г.; в 1905 г. снова подпал под иноземный протекторат, на этот раз японский; в 1907 г., по настоянию тех же японцев, отрекся от престола в пользу своего старшего сына, наследного принца, Сэджа Ли-Ку; в 1919 г. 22 января, нося уже титул (после аннексии Кореи японцами в 1910 г.) принца Ли Старшего, мирно скончался в собственном дворце (Ток-су-гунь) в Сеуле, где проживал последние дни своей жизни безвыездно; погребен в Янчжунской провинции в местности, называемой Кым-гок, в 25 верстах от Сеула. Покойный король, по свидетельству близких к нему лиц, питал добрые чувства к России и считался большим русофилом.

⁴⁰ Означенная грамота хранится по сие время при документах в Миссии.

Корейскому Королю высочайшую благодарность за принесенный дар нашему Августейшему Монарху – участок земли для русской церкви».

Казалось, извещением графа вопрос исчерпывался. Государь Император, как видно из телеграфного сообщения, повелел благодарить державного жертвователя. Значит, дар принят. Дальнейшие разговоры, кажется, излишни. Но не прошло двух-трех месяцев после того, как новый Поверенный в Делах г-н Матюнин снова возбудил дело о земле, открыв переписку по данному вопросу между Сеулом и Петербургом. Текст этой переписки, как имеющий некоторый исторический интерес, мы приводим здесь почти полностью.

Телеграмма г. Матюнина от 11 апреля 1898 г. на имя Министра Иностранных Дел.

«Участок Духовной Миссии куплен за 10654 доллара за счет Короля у Епископа Мютеля как бы под банк. Король (корейский) таил от своих назначение покупаемой земли, хотя намерение наше всем известно. Вследствие телеграммы Вашего Сиятельства от 24 янв. я счел это положение ниже нашего достоинства и известил Короля честно через бывшего переводчика Миссии, через которого велись переговоры, что Королю надлежало бы прислать в Миссию дарственную запись, помеченную примерно 25 января с указанием цели поднесения Государю Императору участка. Присланный документ гласит об уступке земли под здания и весьма возможно, что Король не решится упомянуть о храме. Участок, пригодный нам для других целей, неудобен для церкви, долженствующей соперничать с другими здесь имеющимися. Как ни поднимать местность – храм будет заслонен от всего почти Сеула моим домом, тогда как статный католический собор парит над городом. Испрашиваю указания, отказаться ли от участка или, если возможно, выкупить его у Короля. Ввиду неимения близко от Миссии подходящего участка и совершенно недостаточного кредита решаюсь усердно ходатайствовать о переименовании Духовной Миссии в причт при дипломатической. Отсутствие церкви сказалось особенно тяжело в Светлый Праздник».

В ответ на донесение министр выслал запрос от 15 апреля 1898 г.:

«Эта телеграмма так невнятно изложена, что мы решительно не можем дать по ней какие-либо указания. Почему дарственная запись ниже нашего достоинства? Как можно выкупить подаренный участок? И какой именно участок вы считаете необходимым для сооружения церкви?»

Г-н Матюнин 17 апреля того же года на это отвечает министру:

«Будьте добры прочесть телеграммы Шпейера 19 и Вашего Сиятельства 23 января. В обоих определенно говорится о поднесении и принятии участка под церковь. Участие Короля ограничивалось выдачею Миссии 3 февраля и 7 апреля денег на покупку земли, причем он тщательно скрывает это от всех. Операция скупки еще не закончена. Остался дом отсутствующего японца, которому японский консул по просьбе Шпейера письменно рекомендовал уступить дом за 500 долл. Эту сумму я имел бы, получить также скрыто, от Короля через переводчика Миссии. Ознакомившись с этим делом, я передал императору через переводчика, что немислимо, чтобы Государь Император согласился принять даровую землю для иной цели, кроме постройки храма, почему и просил выдать соответственную дарственную запись. В доставленном документе говорится о постройке зданий, и посланец передал, что Король не согласен проставить слово «церковь». Совокупность вышеизложенного я счел ниже нашего достоинства, но не решился объясниться с Королем лично, или через Министра Иностранных Дел, не испросив указаний Вашего Сиятельства. Крайне огорчен, что моя телеграмма оказалась неясной. Может быть, Король предпочтет получить деньги обратно, чем выдать приличествующий документ. Подходящего, смежного с Миссией участка для церкви нет; внутри нашей ограды также, посему, не рациональнее ли начать с переделки в церковь моего зала, на увеличение которого и сопряженные с этим земельные работы понадобится вряд ли более пяти тысяч долларов».

На это донесение получен был ответ из С.-Петербурга от 21 апреля 1898 г. такого содержания:

«В виду представленных Вами данных о дарованном Королем участке земли, Вам надлежит передать по высочайшему повелению Королю (Корейскому), что коль скоро означенный участок принадлежит Его Величеству, Государь Император отказывается от этого дара. Полученные миссией деньги Вы имеете немедленно возвратить Королю. Вопрос о сооружении церкви до представления подробных письменных сведений следует приостановить».

Согласно этому распоряжению г. Матюнин не замедлил, конечно, обратиться к Корейскому Министру Иностранных Дел 23 апреля 1898 г. с соответствующей нотой:

«Как Вашему Превосходительству, без сомнения, известно, Его Величество Корейский Король в январе с.г. выразил бывшему Императорскому Поверенному в Делах г. Шпейеру намерение поднести в дар Его Величеству Российскому Императору участок земли, смежный с нашей Миссией, для возведения на нем православного храма. На что последовало со стороны нашего Государя благосклонное согласие и г. Шпейеру было поручено передать Высочайшую благодарность Его Величеству Корейскому Королю, что г. Шпейером и было сделано. После этого была произведена нами на деньги Его Величества покупка участка у Ей. Мютеля, Ян-шу-цэна и Цой-нен-хо. Остается еще не купленным дом японца. Вашему превосходительству также известно содержание документа, присланного в Миссию Его Величеством вместо дарственной записи, обычной в таких случаях. Все это мною было подробно донесено г. Российскому Министру Иностранных Дел. Сегодня мною получен ответ, что так как земля, о которой идет речь, не составляла собственности его Величества, то наш Государь отказывается от этого дара. Вместе с тем мне предложено возвратить немедленно Его Величеству деньги, полученные от него Миссией. Поэтому прилагаю чек на 10654 доллара и покорнейше прошу Ваше Превосходительство: во-первых, исходатайствовать мне у Его Величества частную аудиенцию, во-вторых, сообразованно уведомить, сколько было затрачено раньше еще на покупку четырех домиков, на которые в Миссии не имеется документов, и, в-третьих, не отказать уведомить меня в получении настоящей ноты и чека.»

Вскоре после этого (10 мая 1898 г.) г. Матюнин обратился также к Министру Иностранных Дел графу Муравьеву с подробным объяснением приведенного дела, причем не упустил случая «уколоть» державного жертвователя, как простого обычного «ебо», о котором писал, между прочим, следующее: «Ссылаясь на телеграмму Вашего Сиятельства от 21 апреля с.г., имею честь донести, что 23 того же месяца я препроводил Дай-Хонскому Министру Иностранных Дел чек на 10654 долл., но за непрекращающимися поминками по убитой Королеве⁴¹, аудиенция у Короля состоялась лишь только 1-го мая. Не смею утруждать Ваше внимание подробным изложением моего разговора с этим бесцветным и лживым правителем: вместо того, чтобы возложить всю ответственность на тех, кто, собственно, вел это дело, он стал уверять, что у них существует лишь один знак для «дома» и «церкви» и запутался в доводах, которыми дня за два пред тем Министр Иностранных Дел силился оправдаться. В заключение на просьбу Короля устроить, чтобы Государь Император вновь принял подарок, я ответил, что наш Царь никогда и ни в чем своему слову не изменяет и, что я не возьму на себя доказывать возможности дарить имущество, еще не приобретенное. Сегодня, наконец, после долгих и частных препирательств с Министром Иностранных Дел я получил квитанцию в приеме чека и счет на 220 долларов за четыре мазанки, купленные на этом месте еще раньше Королем. На этих днях я закреплю собственность по покупке полуразвалившегося дома, принадлежащего японцу».

На ноту г. Матюнина от 23 апреля 1898 г. корейский Министр Иностранных Дел ответил от 21 (мая того же года) нотой, следующего содержания:

⁴¹ Королева Мин, супруга названного Короля, убита за русофильтво в 1894 г.

«Я имел честь получить Вашу ноту № 31 с приложением чека на 10654 доллара за участок земли, первоначально принесенной в дар нашим Королем Его Величеству Императору Российскому во время Вашего предместника г. Шпейера, и через его посредство мне было поведено Его Величеством передать Вашему Государю чувства добрососедской дружбы и искренней преданности. Теперь же Ваше Превосходительство по повелению Его Величества Императора Российского возвращаете нам деньги, израсходованные на приобретение упомянутых земельных участков, и просите сообщить, сколько было уплачено за четыре дома, купленных раньше. Глубоко пораженный внезапным возникновением подобного недоразумения между нашими Государями, я немедленно сообщил содержание Вашей ноты Его Величеству и после состоявшейся Вашей аудиенции получил приказание лично переговорить с Вами и просить Вашего посредничества перед Государем Императором, чтобы уладить это щекотливое дело к общему согласию. После тщетного ожидания в течение нескольких дней благоприятного от Вас ответа и, желая, так или иначе, покончить с этим неприятным для нас делом, я решаюсь препроводить при сем Вашему Превосходительству квитанцию в получении вышеупомянутого чека, а также квитанцию в получении стоимости раньше купленных домов»⁴².

Ознакомив читателей с этими документами, представляем читателю самому разобраться в этом деле и решить, насколько был прав или не прав г. Матюнин. Во всяком случае, инцидент этот, несмотря на всю его кажущуюся маловажность, не прошел для нас даром в смысле политическом, ибо Корейское правительство с этого момента изменило свое отношение к русским и тут же на глазах наших дипломатических представителей стало заигрывать с японцами. Из-за этого же инцидента, полагаем, прегражден был путь нашим первым миссионерам в Корею. Словом, игра из-за данного маловажного, на первый взгляд, несогласия перешла в серьезную распрю и впоследствии оплачена была дорогой ценой, как со стороны России, так и со стороны Кореи.

Итак, после отказа от преподнесенного Корейским Королем дара, земля была выкуплена у прежних владельцев в том же 1898 г. за вышеуказанную цену и начали возводить на ней Миссийские постройки. Место было расчищено от кирпича и мусора, оставшихся от корейских фанз, и после заготовки материалов приступили к постройке зданий. Здания воздвигались почти все одновременно под наблюдением о. Хрисанфа и его ближайших помощников.

Так выстроены были следующие сооружения: кирпичная ограда, идущая по границе участка, в два-три аршина высоты, с входными воротами в китайском стиле с улицы Чонидонн Тэйдю; внутри двора, с правой стороны от ворот, выстроено школьное здание⁴³ с квартирой для учителя и классной комнатой; поодаль от него – флигель (род корейской фанзы)⁴⁴ с помещением для прислуги и переводчика; с левой стороны от ворот – сторожка⁴⁵ и амбар⁴⁶ для склада топлива; в центре участка – дом двухэтажный⁴⁷ с квартирами для миссионеров и поодаль от него – кухня с баней⁴⁸.

Строения все кирпичные, на каменном фундаменте, покрыты волнистым оцинкованным железом. Расходы по постройке и внутренней их отделке, в том числе на материалы, составили 14220 иен 87 сен,⁴⁹ а всего с уплатой за участок (11475 мекс. долл., считая мексиканский доллар равноценным иене): 25695 иен 87 сен.

⁴² Архив Российского Генерального Консульства в Корее.

⁴³ Размер 40х27 фут.

⁴⁴ 40х20 фут.

⁴⁵ 8х8 фут.

⁴⁶ 46х20 фут.

⁴⁷ Размер в 52х50 фута.

⁴⁸ Размер 16х20 фут.

⁴⁹ Из этой суммы пошло на постройку и отделку (в иенах):школьного здания – 236605флигеля – 206025кухни – 43870амбара – 29233дома для миссионеров – 528849ворот и сторожки – 21500ограды – 16600строительные материалы по

Работы были окончены в 1902 г. В деле устройства зданий много помогли своими советами и знаниями наш Поверенный в Делах А. И. Павлов и драгоман нашей Дипломатической Миссии П. А. Керберг. Строения были довольно красивые и достаточно солидные.

По окончании строительных работ все свободные от построек места на участке были разбиты под сад и огород. В саду проложены дорожки, устроены аллеи, разбиты клумбы, насажены деревья, цветы, кустарники и т. п. Словом, через два-три года пустырь превратился в густо зеленеющий сад с массой раскидистых тенистых деревьев, где каждый обитатель Миссии может найти прохладу и успокоение, особенно в ясные знойные дни, которыми отличается сеульское лето.

С поселением миссионеров в новые здания Духовная Миссия, известная среди корейцев под именем русского монастыря (Араса-савон) или чаще русской церкви (Араса сени-дан), стала главным средоточием православной жизни в Корее, а ее начальник – выступил как представитель русской Православной Церкви в стране.

Местоположение Миссии считается одним из лучших в Сеуле. Расположена она, как мы уже говорили, рядом с нашей Дипломатической Миссией (ныне Генеральное Консульство) в местности, называемой Се-дэ-мун⁵⁰, вблизи королевского дворца Ток-су гун (ныне упраздненного), неподалеку от иностранных консульств. С восточной стороны она соприкасается с садом нашего Консульства, с южной – с владением иностранцев, с северной – корейцев, а с западной ее огибает улица Чони-донн, называвшаяся прежде Посольскою или Дворцовой⁵¹. Расположение Миссии также весьма удобное. Например, трамвай проходит от нее в нескольких шагах, почта находится в семи минутах ходьбы, железнодорожный вокзал – в 20 мин.⁵²

Перенесение церкви из Дипломатической Миссии в Духовную в 1903 г.

Церковь, как уже отмечалось выше, находилась со времени приезда миссионеров в Сеул в доме Дипломатической Миссии, что создавало большие неудобства для богослужения и тем более для исполнения треб, приходившихся иногда на неурочные часы, ибо всякое «лишнее» хождение стесняло и миссионеров и хозяев, не говоря уже о корейцах, приходивших на богомолье в дом Посланника как в запретное «святилище». Ввиду этого церковь с первых же дней после окончания строительных работ перенесена была из-под гостеприимного крова под свой собственный. Для этой цели приспособлено было школьное здание и при нем устроена звонница для колоколов⁵³. С перенесением церкви освящена она была в новом для нее помещении тем же о. Хрисанфом 17 апреля 1903 г.

Теперь с церковью жизнь в Миссии изменилась к лучшему, став более регулярной, более планомерной, чем доселе. Миссионеры, водворившись в своем собственном «гнезде», почувствовали себя «дома», при родном им деле.

Впрочем, о. Хрисанф не удовлетворялся временным помещением церкви, он в том же 1903 г. обратился с ходатайством в Св. Синоде об ассигновании потребной суммы на сооружение соответствующего Миссии постоянного храма. Синод на ходатайство о. Хрисанфа ответил, что Правительство, снисходя к просьбе просителя, ассигновало на строительство храма 30 000 руб. с выдачей этой суммы в два срока равными частями по 15 000 руб. в год, в 1904

отделке – 190000Итого: – 14220 иен 87 сен(Архив Российского Генерального Консульства в Корее)

⁵⁰ «Большие Западные Ворота», ныне снесенные, находились вблизи Миссии.

⁵¹ Названная улица в прежние годы, в правление Корейских Королей, считалась недоступной для простых смертных обывателей, по ней могли проходить только те из них, которые состояли на службе во дворце или иностранных миссиях.

⁵² Адрес Миссии «Korea, Seoul, Russian Orthodoch Church Mission, или Korea, Seoul, Teido Nn22.

⁵³ Колоколов на звоннице имеется шесть, из них первый в 25 пудов 3 фунта., второй 12 пудов 2 фунта, третий 6 пудов 5 фунтов., четвертый 3 пуда, пятый 1 пуд 7 фунтов и шестой 19 фунтов. Общий вес звона 47 пудов 36 фунтов. Колокола отлиты в Москве на заводе П. И. Финляндского 12 июля 1901 г.

и 1905 гг. Наступили, наконец, эти давно желанные для Миссии годы, когда, казалось, выдача суммы была обозначена; но, к несчастью, как раз в это время разразилась русско-японская война, которая воспрепятствовала выдаче кредитов, отпущенных Корее, и вопрос о храме был отложен на неопределенное время. Впоследствии один из преемников о. Хрисанфа сделал было снова попытку решить означенный вопрос, но она также не увенчалась успехом. Итак, с тех пор дело с храмом остается неразрешенным в смысле финансовом. Церковь ютится, по-прежнему в школьном помещении, мало пригодном для богослужений, оно не вмещает всех молящихся и, по-видимому, таким положение останется еще долгие годы.

Открытие стана в Мунь-сан-пхо⁵⁴

При разнообразной деятельности в Сеуле, не терпевшей отлагательства, о. Хрисанф не предполагал поначалу распространять проповедь в провинции, тем более, что не имел для сего времени, но один случай, довольно характерный, заставил его открыть стан для этой цели, а именно в деревне Мунь-сан-пхо. Вот что он писал по этому поводу в одном из своих донесений в Св. Синод в 1903 г.

«В прошлом году, вскоре по возвращении моем из России, к нам в Миссию стал ходить один кореец, на вид очень приличный, серьезный и как будто из ученых.

Восточные ученые, да впрочем, и европейские тоже, имеют особый вид, вид сосредоточенного и довольно нервного человека; показался мне и этот таковым.

Для меня это было очень важно, ибо мысль о переводах ни на минуту не выходит из головы: вот, думаю, Господь посылает мне и человека, который сможет в этом помочь... Надежды мои, и именно с этой стороны, не увенчались успехом: стремления у него были более скромные, чем я ожидал: ему хотелось познакомиться с православной верой и затем креститься.

Прошло месяца два его исправного хождения в Миссию, как он вдруг заявил мне, что ему нужно отлучиться в деревню навестить свою семью, обещал снова возвратиться к нам. Действительно, недели через две он снова явился с заявлением, что его односельчане в количестве нескольких человек желают принять православную веру и просят кого-либо из нас приехать к ним и побеседовать с ними и послужить у них, для каковой цели они приготовили даже отдельный дом.

Я так и сделал. На третьей неделе Великого поста, взял с собой корейца-переводчика и отправился верхом на лошади в ожидавшую нас деревню Мунь-сан-пхо. Приехал я туда вечером: деревня очень большая (дворов около 500), длинной лентой растянулась она у подножия невысокой горы на берегу большой реки. В центре деревни на искусственно сделанной площадке стоит одинокая фанза⁵⁵, о которой говорил кореец, как о доме, приготовленном для службы. К площадке приделаны с улицы ступеньки в виде лестницы, вокруг самой площадки – живая изгородь из кустарника.

С первого взгляда на фанзу я заподозрил, что это «бызделие» американских миссионеров: не раз мне приходилось видеть их молитвенные дома, устраиваемые именно таким образом. Когда же я вошел в фанзу, то совершенно убедился в том, что этот дом есть не что иное, как церковь американских миссионеров. Одна комната в доме (большая) предназначалась для беседований, к ней примыкает другая, поменьше – для женщин и, наконец, еще два неболь-

⁵⁴ Деревня Мунь-сан-пхо (ныне уездный город Мунь-сан) находится при железнодорожной станции этого наименования, Аньдунской железной дороги, в 50 верстах от Сеула.

⁵⁵ Корейские дома (фанзы) устраиваются из жердей и прутьев, промазанных глиной, крыша ставится обычно соломенная, но иногда у более зажиточных людей – черепичная.

ших кана⁵⁶ – помещение для миссионера на случай его приезда. Часть большой комнаты кореец отделил легкой перегородкой в виде иконостаса с царскими вратами, сделал престол, аналой, деревянные подсвечники, разукрасил все это яркими красками и сделал все точно так же как в нашей сеульской церкви, недоставало только икон.

Дом обыкновенного корейского типа, обмазанный глиной, крыт соломой, стены в основе своей сделаны из тоненьких дощечек, просвечивающих насквозь и оклеенных изнутри бумагой, между которыми попадаются американские газеты «Христос» и календари того же издания.

На другой день по приезде в деревню собралось ко мне до 10 человек почтенных старцев, с которыми я и стал вести собеседования. Не знаю, беседы ли мои были не интересны для них или старческое внимание уже притупилось: все время они дремали, и глаза их отягощались сном. Меня это, признаюсь, несколько смущало, и я старался употребить все усилия, чтобы пробудить их хотя бы от физического сна. Иное дело, когда заводил речь о житейских делах и особенно о политике, сразу все пробуждалось и наступало удивительное оживление. Три дня по два раза в день я собирал их для беседы, а во время утренних и вечерних молитв читал Евангелие и, в конце концов, все же успел научить их кое-чему⁵⁷.

После о. Хрисанфа посетил селение с той же миссионерской целью о. Николай. Он прожил там две-три недели, провел несколько собеседований и в заключение всего купил вышеозначенную фанзу в собственность миссии за 85 иен. Фанза приобретена была исключительно для молитвенных собраний и собеседований с народом. Катехизатором к вновь представленному стану был поставлен тот же самый кореец, который зазывал наших миссионеров в деревню. В нем о. Хрисанф увидел «ученого мужа». Этот «ученый муж», как потом оказалось, был христианином какого-то протестантского толка, крестился у американских миссионеров, носил имя Иосифа, фамилию Хан; служил в одной из американских местных миссий, кажется, в качестве проповедника и, не удовлетворившись американскими подачками, оставил прежнюю службу, став православным катехизатором, не будучи сам православным⁵⁸

⁵⁶ Кан – мера объема у корейцев, равняющаяся (6х6х6) 216 куб. футам.

⁵⁷ Церковные ведомости, 1904, № 3, с. 103–105.

⁵⁸ Иосиф Хан присоединен к православию уже несколько лет спустя, поступив на службу к православным, а именно в 1909 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.